

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ, ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 118–129
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(1):118–129

Проблемы уголовного права и криминологии, процессуального права

Научная статья
УДК 340.12+343

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>

EDN ESSLWJ

Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-1516>

Аннотация

Цель. Данная статья посвящена рассмотрению ряда выработанных к настоящему времени и отчасти соперничающих и конкурирующих между собой криминологических, пенологических, юридических, социологических и философских подходов к уголовному наказанию как довольно сложному и многообразному социально-правовому явлению. Автор поставил своей задачей (как конкретизацией общей цели) рассмотреть разнящиеся между собой взгляды на уголовное наказание двух великих русских писателей – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. В данной связи им были выделены и подчеркнуты глубина и утонченность взглядов Ф. М. Достоевского на вопросы, затрагивающие психологию преступников и людей, подвергающихся наказанию, отмечено, что в его книгах страдания, которые причиняет наказание, оказываются искуплением и очистительным благом в сравнении с теми терзаниями души, которые испытывает не подверженный наказанию преступник.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучный и частнонаучный методологический инструментарий: метод абстрагирования, сравнительно-исторический метод, метод ретроспекции, методы индукции и дедукции, а равно компаративистский, логико-семантический и функциональный методы.

Результаты. Представлена авторская критика некоторых сторон пенологической системы российско-американского социолога и культуролога П.А. Сорокина. Высказаны аргументы в защиту законодательной формулировки и сочетания целей уголовного наказания в тексте ныне действующего УК РФ. Показано авторское видение проблемы сочетания и разрешения противоречий между так называемыми абсолютными и относительными теориями наказания в пенологии (ретрибутивизмом и консеквенциализмом).

Выводы. В статье доказывается, что абсолютные и относительные теории наказания можно примирить и скооперировать, так как необходимость защиты общества и личности от преступлений не исключает подход к наказанию как к восстанавливающему справедливость и применения его на соразмерных (возмездных) началах, выступающих сдерживателем и ограничителем произвола в пенитенциарной деятельности. Современным ученым-пенологам предложено сосредоточить их научные усилия на разработке интегративных или смешанных (объединяющих в себе черты абсолютных и относительных теорий) концепций уголовного наказания.

Ключевые слова: криминология, основания уголовного наказания, пенология, содержание уголовного наказания, сущность наказания, теории наказания, уголовно-правовая доктрина, уголовное наказание, уголовное право, цели уголовного наказания

Для цитирования: Корсаков К. В. Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>. EDN ESSLWJ

Problems of Criminal Law and Criminology, Procedural Law

Original article

Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-1516>

Abstract

Purpose. This article is devoted to the consideration of a number of criminological, penological, legal, sociological and philosophical approaches to criminal punishment that have been developed to date and are partly competing and competing with each other as a rather complex and diverse socio-legal phenomenon. The author has set as his task (as a concretization of a common goal) to consider the differing views on criminal punishment of two great Russian writers – L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. In this regard, he highlighted and emphasized the depth and sophistication of views of F.M. Dostoevsky. In response to Dostoevsky's questions concerning the psychology of criminals and people who are being punished, it is noted that in his books the suffering caused by punishment turns out to be atonement and a purifying blessing in comparison with the torments of the soul experienced by a criminal who is not subject to punishment.

Methods. The methodological basis of the research was made up of general scientific and private scientific methodological tools: the method of abstraction, the comparative historical method, the method of retrospection, the methods of induction and deduction, as well as comparative, logical-semantic and functional methods.

Results. The author's criticism of some aspects of the penological system of the Russian-American sociologist and cultural critic P.A. Sorokin is presented. Arguments are made in defense of the legislative formulation and the combination of purposes of criminal punishment in the text of the current Criminal Code of the Russian Federation. The author's vision of the problem of combining and resolving contradictions between the so-called absolute and relative theories of punishment in penology (retributionism and consequentialism) is shown.

Conclusions. The article proves that absolute and relative theories of punishment can be reconciled and cooperated, since the need to protect society and individuals from crimes does not exclude an approach to punishment as restoring justice and applying it on a proportionate (retaliatory) basis, acting as a deterrent and limiter of arbitrariness in penitentiary activities. Modern penological scientists are invited to focus their scientific efforts on the development of integrative or mixed (combining features of absolute and relative theories) concepts of criminal punishment.

Keywords: criminal punishment, penology, criminology, criminal law, the essence of punishment, the purpose of criminal punishment, the grounds of criminal punishment, the content of criminal punishment, theories of punishment, criminal law doctrine

For citation: Korsakov K. V. Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>. EDN ESSLWJ

Введение

На рубеже XIX–XX столетий институт уголовного наказания подвергся серьезному испытанию, связанному с интенсивной критикой всего идейно-теоретического каркаса сложившейся к тому времени классической уголовно-правовой школы со стороны представителей научного позитивизма. Частью этой острой критики стали претензии и ламентации, объединенные и кратко выраженные в известной фразе итальянского криминолога Энрико Ферри: «Классическая школа не знает преступника, который между тем является началом и вместе с тем конечной целью деятельности общественной обороны от преступности» [1, с. 465]. Применительно к уголовному наказанию эта позитивистская позиция получила развитие у лидера социологического направления в криминологии Ф. фон Листа (в научной литературе это лидерство иногда оспаривается указанием на криминологов-социалистов Н. Колаянни и Ф. Турати как главных представителей и пионеров указанного направления), сформулировавшего тезис: «Наказанию подлежит не преступление, а преступник» [2, с. 48], и у А. Принса, писавшего, что «деяние учиненное может быть, взятое отдельно, менее опасно, чем учинивший его деятель. Наказывать такого виновника за данное нарушение, не принимая во внимание постоянных свойств деятеля, может быть приемом совершенно иллюзорным. Для выбора целесообразных мер нужно обращать большее внимание на постоянное состояние индивида, чем на совершенный поступок» [3, с. 71–72].

Глава антропологической школы в криминологическом позитивизме Ч. Ломброзо, говоря о вечности преступности как явления, проистекающего из внутренней природы человека [4, с. 200–201], и ставя во главу угла биологические причины этого феномена, требующие соответствующих внесудебных и некарательных мер фиксации, блокировки и купирования, не исключал из своей позитивистской модели уголовное наказание, рассматриваемое им в качестве одной из мер защиты общества (хотя в ломброзианском учении и содержится вывод о том, что уголовное наказание не может ни исправить, ни удержать «прирожденных преступников», к которым должны применяться меры, аналогичные используемым по отношению к больным). Э. Ферри рассуждал похожим образом: им лишь предлагалось отказаться от парадигмы возмездия (кары) за свободный нравственный выбор и концепции устрашения (общей превенции) в пользу нового пенологического подхода – устранения возможности антисоциального поведения с помощью правовых мер воздействия, включая уголовное наказание, и различных неюридических обеспечительных социальных мер (средств общественной профилактики), дополняющих правовые средства.

Однако, если в криминологических концепциях Э. Ферри и Ф. фон Листа понятие уголовного наказания присутствует, хотя и в переосмысленном с позиций теории социальной защиты виде, то учитель известного голландского криминолога-марксиста В. А. Бонгера детерминист Г. А. Ван Гамель выступал за полную отмену данного понятия: «Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое. ...Три понятия страшно мешают нам в этом. А именно: «вменяемость», «наказание» и «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше» [5, с. 101]. Аналогичного мнения впоследствии придерживался основатель европейской школы «новой социальной защиты» – граф Ф. Граматика, у которого, как писала Н. Ф. Кузнецова, «система уголовного наказания подлежит замене гибкой системой мер безопасности и усовершенствования, которая предельно индивидуализирована к психофизическим данным преступника» [6, с. 155]. За ликвидацию наказания как формы «государственного насилия» и, собственно, самого государства вслед за утопистами (Р. Оуэн и др.) выступали теоретики анархизма М. А. Бакунин, К. Кафьеро и П. А. Кропоткин, изложивший свою позицию в известной работе «О смысле возмездия» в сборнике «Анархия и нравственность». Однако, несмотря на интеллектуальные усилия этих крупных ученых и незаурядных политических и общественных деятелей, институту уголовного наказания в классическом его понимании удалось устоять и не исчезнуть ни из научной доктрины, ни из законодательства, ни из юридической практики.

Теоретические основы

Подчеркнем, что не только ученые-криминологи и анархисты, но и многие популярные писатели-гуманисты и известные мыслители-моралисты XX в. выступали против уголовного наказания. Одним из них был граф Л.Н. Толстой, который вслед за правоведом Р. фон Иерингом, сказавшим, что «вся история наказания есть не более, как постепенное его вымирание» [7, с. 59], писал: «Наказание есть понятие, из которого начинает вырастать человечество. ...Придумывают очень многое, но не решаются сделать одного нужного, а именно того, чтобы ничего не делать, а оставить того, кто согрешил, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самим же придумывающим теории и прилагающим их – жить доброй жизнью» [8, с. 84]. Полагаем, что толстовская позиция в корне не верна: человечество не может «вырасти» из наказания, потому что оно само выросло во многом благодаря наказанию и по-прежнему оберегает и сохраняет себя, используя его. Одним из ярких подтверждений этого служат уголовные наказания, назначенные преступникам по результатам самого, пожалуй, известного судебного процесса XX в. – проникнутого этосом возмездия и торжеством воздающей справедливости и концептуально основывавшегося на т.н. «формуле Радбруха» Нюрнбергского трибунала над фашистскими преступниками. В посвященной этому важнейшему юридическому событию монографии «Нюрнберг: приговор во имя мира» А.Н. Савенков определяет уголовное наказание с помощью категории возмездия [9, с. 199], что видится нам в теоретическом отношении верным и полностью оправданным.

Несмотря на поверхностную привлекательность морализаторских суждений Л. Н. Толстого, мы, поддерживая вступившего с ним в известную в науке дискуссию и утверждавшего, что требование противостояния злу этически приоритетнее требования ненасилия, российского философа И. А. Ильина, считаем, что толстовский подход к наказанию не может быть воспринят и осуществим на практике: он неминуемо приведет к разгулу преступности и общественному хаосу, в котором от криминальных действий пострадает множество беззащитных людей, так как их права, свободы и законные интересы в одночасье лишатся охраны посредством института уголовного наказания. В то же время нельзя не обратить исследовательское внимание на глубину и утонченность взглядов другого русского писателя – Ф. М. Достоевского на вопросы, затрагивающие психологию преступников и людей, подвергающихся наказанию: в его книгах страдания, которые причиняет наказание, оказываются искуплением и очистительным благом в сравнении с теми терзаниями души, которые испытывает не подверженный наказанию преступник.

Философия гуманизма Ф. М. Достоевского, определяющей чертой которой выступает обращение к идеям добра и совести, большое внимание уделяет вопросу о свободе воли человека, накладывающей на него ответственность за все его поступки, и, конечно, теме самонаказания, к которой часто обращаются современные исследователи при анализе творчества этого выдающегося литератора и мыслителя [10, с. 63; 11, с. 108–109]. В романе «Преступление и наказание» идея самонаказания талантливо раскрыта путем описания сильных душевных мук и нравственных страданий его главного героя – бывшего студента-юриста Родиона Раскольникова, обрекшего себя на таковые уже с момента появления преступного умысла и получившего утешение, моральное очищение и духовное возрождение после явки с повинной и наложения на него уголовного наказания – восьми лет каторжных работ в Сибири.

Заметим, что в своих дневниках, повестях и романах Ф.М. Достоевский задолго до зарубежных криминологов (Ю. Гальтунга, Д. Ирвина, Д. Клеммера, Д. Кресси, Т. Морриса, Г. Сайкса, Р. Эйкерса и др.) поднял острую социально-криминологическую проблематику призонизации (отюрьмовления) – явления, которому, как он сумел показать, подвергаются не только заключенные, но и сотрудники пенитенциарных заведений: «Сама тюрьма стирала различие между теми, кому было поручено дело «исправления» преступников, и теми,

кто подлежал исправлению» [12, с. 383]. Также очевидные заслуги Ф. М. Достоевского заключаются в выделении в его публицистических произведениях множества преступных (криминальных) типов – в классификации преступников, мало чем уступающей научной, криминологической, и в призыве гуманизации пенитенциарной сферы – развития внутри нее человечности (прежде всего деятельного, неподдельного участия в судьбах людей вместо равнодушия и безразличия к оступившимся), который, безусловно, сохраняет свою актуальность и в наше время.

Сохраняет злободневность и, по нашему мнению, важность для современных криминологии и пенологии его назидание представителям социологического направления в науке о преступности и позитивизма в целом: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке...» [13, с. 636]. Мы также считаем, что преступления и уголовные наказания за них будут существовать, пока не переменится не общество и социальная структура, а внутренняя сущность человека, пока не изменится его природа. Как верно замечает в данной связи А. И. Бойко, «индивид эволюционирует медленнее, нежели социальная организация, но вот консервирует мир как раз общественный, а не личный интерес (последний будоражит и разъедает общежитие)» [14, с. 27]. Добавим, что преступное поведение неразрывно связано с проблемой свободы человека – именно к ней стремится человеческая душа и ее двигательльно-направляющая сила, ее «мускулы» – воля: часто воспринимая любые разумные ограничители на своем пути как зло и насилие, она пытается вырваться из любых пут к ничем не лимитированной, абсолютной свободе, своеволию, чему мешает и препятствует в том числе и уголовное наказание – «ограничитель свободы ради свободы» – как элемент права, метко названного академиком РАН В. С. Нерсисянцем «математикой свободы».

Дискуссия

В начале XX в. абсолютные концепции наказания (в них наказание, как верно пишет индонезийский ученый Амируддин, предстает *res absoluta ab effectu futuro* (вещью, независимой от будущих результатов) [15, с. 33]) получили теоретическое упрочнение благодаря идеям о смысле и назначении уголовного наказания С.И. Гессена, изложенным им в работе «Философия наказания», и высоко оцениваемым многими учеными исследовательским разработкам российско-американского социолога и культуролога П. А. Сорокина, в которых уголовное наказание изучалось как юридическая категория в ракурсе его диалектического общественного развития. Оправдывая пенологический канон возмездия (воздаяния), в монографии «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» он писал: «даже самые слова возмездие (*Entgelten*) и воздаяние (*Vergelten*), происходящие от глагола *gelten* (стоять), обозначали предположение равноценности или действительную равноценность» [16, с. 144–145], а в работе «Человек. Цивилизация. Общество» подытожил, что принцип возмездия представляет собой общий закон социальной жизни [17, с. 104].

Находясь под значительным влиянием психологической теории права Л.И. Петражицкого и научных взглядов Э. Бирлинга, П. А. Сорокин сформулировал собственный оригинальный закон в поступательном развитии уголовного наказания, названный им «законом нисходящей прогрессии мотивационного давления». В соответствии с ним «степень жестокости кар, а равно число лиц, подвергаемых каре, стоит в обратной пропорции со степенью приспособленности человека к социальной жизни» [18, с. 116]. С этим законом можно было бы согласиться, если бы речь велась о типах общественной солидарности (по терминологии французского социолога Э. Дюркгейма), которые находятся в зависимости от уровня социально-культурного развития общества, однако в нем говорится о «приспособленности

человека к социальной жизни», что, на наш взгляд, не позволяет признать его верным по следующим причинам.

Во-первых, в XVIII–XIX вв. уровень общественной адаптации и крепость социальных связей в большинстве стран мира были выше, чем сейчас, в постмодернистском обществе, где наблюдаются усиление и нарастание социальной депривации и девиации, поляризации и атомизации общества, распространение различных асоциальных субкультур и меньшинств, протестных настроений и идей гражданского неповиновения, проявлений крайнего индивидуализма, культивирование идей ретризма, эскапизма и принципа невмешательства, синдромы изоляции, разобщения и отчуждения (деперсонализации личности, самопротивопоставления человека окружающей общественной среде и намеренного игнорирования правил социального поведения) и мн. др., между тем уголовные кары в тот период были более жестокими, чем сейчас, в период кризиса идей гражданственности, институтов брака и семьи, ослабления и разрушения общественных связей, тогда как в наши дни система наказаний гораздо более гуманна.

Степень жесткости кар уменьшается по мере развития цивилизации, культуры, духовности, этики, утончения натуры человека и смягчения общественных нравов, научно-технического прогресса, увеличения комфорта и качества жизни, ее благоустроенности; во многом процесс смягчения уголовных кар связан с повышением уровня культуры, правосознания, образования, морали и, что следует признать, развитием нравственных чувств у представителей правящих элит и законодателей, которые наполняют конкретным содержанием и изменяют уголовные законы (этот тезис возможно проиллюстрировать картиной, наблюдаемой в наши дни в некоторых африканских государствах, руководители которых воспитывались и получили образование за рубежом, где наблюдается несоответствие выстроенного по международным стандартам и гуманного уголовного законодательства сохраняющимся среди простого населения нравам и ментальности, порождающим жестокие стихийные и внесудебные расправы над преступниками, линчевание и другие проявления «народного правосудия» (например, в Конго и соседних с ним странах в наши дни распространена внеправовая форма казни, известная как «африканское ожерелье», когда на преступника надевается автомобильная покрышка, облитая бензином либо другим горючим веществом, и поджигается)). Нарастание этих процессов и явлений привело к отказу от грубых и жестоких наказаний в пользу ограничения и ущемления личных, гражданских и политических прав, которые стали вполне достаточным наказанием для большинства современных цивилизованных людей, а осознание особой ценности личной свободы как высшего блага обусловило повсеместное распространение и преобладание уголовного наказания в виде лишения или ограничения свободы.

Во-вторых, в существующих в наши дни традиционных («примитивных») обществах (обществах механической солидарности по терминологии вышеупомянутого Э. Дюркгейма) – сохранивших патриархально-родовой строй племенах и народностях Африки, Океании, Южной Америки и др. – уровень социальной адаптации гораздо выше, чем в постиндустриальных («цивилизованных») обществах, в них степень приспособленности человека к индивидуальной жизни в социуме не просто очень высокая: индивид неотделим от социального организма, в котором господствуют коллективистские установки, а индивидуальное сознание поглощено коллективным, однако величина жестокости кар заметно бóльшая (известный социолог и этнограф К. Леви-Стросс, в частности, писал, что представители австралийского племени вотьобалук «действительно внутри тотемической группы съедают человека, преступление которого заключается в том, что он похитил женщину, запрещенную законом экзогамии» [19, с. 275–276]). В развитых мусульманских государствах с высокой степенью приспособленности человека к социальной жизни в настоящее время также присутствуют жестокие уголовные кары (Саудовская Аравия, Иран и др.), что характерно и для некоторых светских высокоразвитых стран (в Японии и Сингапуре смертная казнь до сих пор осуществляется путем повешения).

В-третьих, вывод о том, что число лиц, подвергаемых каре, уменьшается с увеличением степени приспособленности человека к социальной жизни, доказываемый автором тем, что в древних обществах были распространены коллективная ответственность и круговая порука, а в современных – нет, опровергается текущим опытом: так, в частности, в настоящий момент в Индии (где степень приспособленности людей к общественной жизни достаточно высокая, но в то же время очень сильны традиции семейственности и большая индусская неразделенная (объединенная) семья рассматривается Верховным судом Индии как правовая категория) в ряде штатов (Ассам, Уттар-Прадеш и др.) в ходе реализации властями модели «правосудия бульдозером» разрушается не только жилище преступника, но и дома его близких родственников. Историческое развитие уголовного наказания демонстрирует, что институт коллективной ответственности утрачивал свое значение не из-за того, что человек приспособлялся к социальной жизни, а как раз наоборот – по мере нарастания процессов индивидуализации и персонификации, усиления автономии и самостоятельности личности, ее постепенного обособления и выделения из социального окружения (общины, рода и пр.).

Нельзя согласиться и с общей редукционалистской идеей П.А. Сорокина о том, что наказания и награды оказывают такое глубокое и интенсивное «дрессирующее» воздействие на человеческую природу, которое в будущем изменит ее к лучшему до такой степени, что они полностью исчезнут из общественной практики как лишние, более не нужные. Тысячелетний социальный и юридический опыт демонстрирует, что это далеко не так, людей нельзя попросту «выдрессировать» как животных подобными стимулами и мотиваторами, душа человека – не простой и открытый для всякого упреждающего вмешательства механизм, человеческая сущность слишком сложна и уникальна, и она не изменяется под действием метода «кнута и пряника» (не случайно свободная натура человека часто видит в правовых запретах, угрозах наказания и пр. нечто принижающее, оскорбительное, возмущительное, пытающееся уподобить ее животной покорности, поэтому зачастую даже исключительно законопослушные и благонадежные люди воспринимают такие запреты без какого-либо восторга и энтузиазма, скорее как некую «вынужденную горькую общественную пилюлю»), на что указывал еще З. Фрейд, отвечая на вопрос об искоренимости преступности строкой из Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Книга Екклесиаста, 1.9).

Необоснованной и слабо аргументированной выглядит и выводимая П. А. Сорокиным координация функционального порядка между подвигами и наградами, с одной стороны, и преступлениями и наказаниями, с другой, – эти специфические области отнюдь не симметричны, в реальной жизни они не взаимообуславливаются и не зависят друг от друга так, как это представляется данным исследователем (к этому же можно добавить, что уголовное наказание – правовое явление, тогда как награда, как верно подметил в работе «На водку» Р. фон Иеринг [20, с. 10], – нет, преступление – ординарное явление в любом обществе, даже достигшем высокого уровня благосостояния, а подвиг – экстраординарное).

Как известно, современный этап развития пенологической мысли, нередко называемый в российской юридической литературе неоклассическим, отличается плюрализмом мнений, концепций и подходов к уголовному наказанию, опосредованным представлениями о том, что ни одна из ранее разработанных и предложенных учеными теорий наказания не является универсальной, общепризнанной и безупречной, а большинство из них носит односторонне-ограниченный характер. При этом не только в юридических, но и в целом ряде философских и социологических исследований был сделан вывод о том, что выстроить единую, общую теорию наказания попросту невозможно. Сложившаяся в доктрине ситуация отражается в пенитенциарной практике и законодательстве разных государств, сочетающем в себе различные комбинации и гибриды целевых установок и задач, ориентиров, векторов развития, мыслимых результатов и социально-политических ожиданий от института уголовного наказания. В то же время, что интересно, сохраняется тенденция противопоставления

абсолютных и утилитарных моделей наказания (консеквенциализма и ретрибутивизма). Классическим примером такого противопоставления выступают суждения – отчасти примыкавшего, как известно, к ломброзианству – пенолога и криминолога С.В. Познышева о том, что «уже с первого взгляда ясно, что указанные две точки зрения (идея возмездия и идея предупреждения) враждебны друг другу... Принцип возмездия требует, чтобы наказание было в известном отношении к преступлению. Идея предупреждения преступлений приводит к постановке известных полезных целей, требования которых лишь случайно могут совпасть с требованиями принципа возмездия, как правило же, будут более или менее резко с ними расходиться. Следуя одному из данных принципов, неизбежно разойдешься с требованиями другого» [21, с. 81]. Современный криминолог лапландского (саамского) происхождения Матти Лайне выражает подмеченное выше финской пословицей «Kun nokka irtoo – niin pyrstö tarttuu, kun pyrstö irtoo – niin nokka tarttuu» (Нос вытащишь – хвост увязнет, хвост вытащишь – нос увязнет).

Мы (вслед за Ф. фон Листом, иронично заметившим, что «старый философский спор абсолютистов и релятивистов имеет точно такую же теоретическую и практическую ценность, как если бы врачам вздумалось спорить, лечат ли они для того, чтобы больной выздоровел, или потому, что он болен» [22, с. 79]) не разделяем данную парадигмальную установку, в особенности применительно к текущему моменту развития уголовно-правовой науки, и полагаем, что объединить, согласовать и интегрировать эти два исторически сложившихся и базовых пенологических подхода вполне возможно (как возможно и преодоление реальных и мнимых антиномий и контрверз между ними), тем более, что это является требованием насущных усложнившихся социально-правовых реалий – отобрать и умело, селективно, органично соединить все лучшее, рациональное и проверенное временем из известных к настоящему моменту концепций и моделей уголовного наказания. Считаем, что, не лишая уголовное наказание его возмездной сущности, на которой настаивали абсолютисты, ретрибутивисты и пенологи-гегельянцы, можно и нужно получать от него максимально возможную и допустимую общественную пользу.

Аналогичного мнения придерживался и примыкавший к уголовно-социологическому направлению в уголовном праве В. В. Есипов в отношении классической школы и позитивизма, когда писал, что «между так называемым старым, классическим направлением и новым, позитивным направлением в науке уголовного права не должно быть и не может быть никакой борьбы: это – две ветви одного и того же дерева, два потока одного и того же источника» [23, с. 288–289]. Добавим, что современное уголовное законодательство многих государств мира, берущее теоретическое начало из немецкой философии права XVIII–XIX вв. и имеющее в своем основании идеи и принципы классической уголовно-правовой традиции и гегельянства, вбирает в себя сегодня многие позитивистские положения (прежде всего социологического направления в позитивизме), которые наиболее выразительно и емко отражаются именно в институте уголовного наказания. По верному, как мы полагаем, пути осторожного сочетания интенций ретрибутивизма и консеквенциализма пошел и наш отечественный законодатель, закрепив перед уголовным наказанием в ч. 2 ст. 43 УК РФ цель восстановления социальной справедливости наряду с двумя утилитарными (прагматическими) целями (часть отечественных ученых (Д. А. Абдурахмонов, Д. А. Шестаков и др.) в последние годы требует дополнить эти цели ресоциализацией преступников, к чему мы относимся положительно).

Заключение

Полагаем, что абсолютные и относительные теории нельзя «примирить» лишь в одном – в истолковании исходного начала права наказания (*jus puniendi*), от которого они получили свое название: этот источник может быть либо абсолютным (Бог и его промысел, априорный моральный закон, природная (или космическая, всеобщая) справедливость, высшая нравственная сила и др.), либо относительным (необходимость социума в самосохранении,

право общества на самозащиту, потребность человека в безопасности, общественный договор, государственный суверенитет и т.п.). В остальном же их, убеждены, можно примирить и скооперировать: так, необходимость защиты общества и личности от преступлений не исключает подход к наказанию как к восстанавливающему справедливость и применения его на соразмерных (возмездных) началах, выступающих сдерживателем и ограничителем произвола в пенитенциарной деятельности. Примером подобного рода доктринальной интеграции могут служить распространенные ныне (российское уголовное законодательство содержит целых три разновидности таковых: принудительные, исправительные и обязательные работы) формы уголовного наказания, связанные с трудом: при сохранении элемента кары и назначении на справедливых (пропорциональных) началах они выполняют утилитарные по отношению к социуму и к самим исправляющимся посредством «трудовой терапии» преступникам задачи и приносят полезный обществу результат. На современном этапе социально-политического и морально-правового развития уголовное наказание не может быть самоцелью (*causa sui*) и некой рафинированной ретроспективно-репрессивной реакцией на запрещенное поведение – в наши дни очень важны профилактические и другие социально значимые результаты, которые достигаются его каждодневным применением.

Попытку соединения консеквенциалистских теорий и моделей возмездия предпринял в своей смешанной теории (т.н. доктрине компромисса) английский философ и теоретик права Г. Харт. Он писал, что цели наказания необходимо трактовать под консеквенциалистским углом зрения, однако при этом надо смириться с ретрибутивистскими ограничениями уголовного правосудия, даже если они препятствуют и мешают последнему достигать основных консеквенциалистских задач.

Г. Харт считал, что отдельно взятого преступника можно наказывать лишь за то, что он совершил, без каких-либо намерений и стараний предотвратить преступное поведение в будущем, однако на уровне общесоциальной практики наказание можно и нужно объяснять и оправдывать целями генеральной превенции [24, с. 8-22]. В этой двухуровневой картине нашли свое место возмездие и общее предупреждение (акты возмездия имеют прямой (в некоторых трактовках – косвенный) эффект устрашения и тем самым служат цели общей превенции, что учитывал и сам Г. Харт, когда писал, что страх уголовного наказания мотивирует не нарушать закон [25, с. 51]), однако частная превенция (предупреждение рецидива преступлений, исправление виновного и пр.) в нее не встроена, что неслучайно – именно в этой плоскости уголовного наказания крайне сложно (по мнению некоторых исследователей невозможно) сблизить и состыковать на компромиссных началах и консенсусно синтезировать консеквенциализм и ретрибутивизм. Между тем именно в последнем в наши дни нуждается не только уголовно-правовая доктрина, но и существующие законодательные конструкции и декларации (например, присутствующая в ч. 2 ст. 43 УК РФ и др. и содержащая – нуждающуюся в доктринальном обосновании и связывании с актами возмездия – неоднозначно воспринимаемую многими категорию «социальная справедливость»), поэтому современным ученым-пенологам следует в традиции «ремонта старых кораблей» Т. С. Элиота сосредоточить свои усилия на научной разработке интегративных (смешанных, селективных, функциональных, синтетических) концепций уголовного наказания, способных обеспечить реальным научно-теоретическим содержанием известный лозунг «субъект наказывается за прошлое во имя будущего», – за ними, думается, будущее доктрины уголовного наказания.

Также в заключении мы не можем обойти стороной давнюю дискуссию детерминистов и ретрибутивистов о справедливости уголовного наказания в следующей ее части: утилитаристы в обоснование своего мнения (являющегося одним из *petra scandalī* в разрешении их спора с абсолютистами и «классиками»), что представления о справедливости не могут браться за основу при определении меры уголовного наказания, так как они всегда относительны, неустойчивы и исторически изменчивы, часто приводят аргументы и доводы о том, что справедливым возмездием в прежние века считались жестокие и мучительные казни

за малейшие правонарушения. Однако данное доказательство, по нашему мнению, абсолютно неверно и относится к классу *argumentum ad hominem*, так как такие казни – практические проявления разошедшейся с принципом эквивалентности доктрины устрашения (модели гипертрофированной общей превенции) – в то время большинство людей как раз и не считало справедливым наказанием (это являлось одной из причин народных волнений, бунтов и восстаний (с призывами, лозунгами и напоминаниями по типу «Пепел Клааса стучит в мое сердце»), объединенных в криминологии в «синдром Вильгельма Телля»). Доктрина устрашения не имела ничего общего ни с наказанием как возмездием, ни со справедливостью, так как достигала своей главной цели – общей превенции, усиления страха в обществе – еще в большей мере при казни невиновных людей (что общечеловеческая справедливость и ретрибутивизм не допускают), которые подвергались пыткам и казнились без разбора в большом количестве, причем сама эта доктрина выработала юридическое «утилитарно-прагматическое» оправдание практики пыток и наказания невиновных, выраженное в следующей норме из ст. 61 Каролины 1532 г.: «...согласно праву, надлежит избегать не только совершения преступления, но и самой видимости зла, создающей дурную славу или вызывающей подозрения в преступлении. Тот, кто не делает этого, является сам причиной своих собственных страданий...» [26, с. 49].

Основанная на такой пенеологической концепции система уголовного правосудия была обречена и в конечном итоге рухнула, подобно развалившемуся аппарату для жестокой и мучительной казни из рассказа Ф. Кафки «В исправительной колонии», который, ломаясь, выцарапывал бороной – тем самым убивая – на теле последнего казнимого – офицера (долго обслуживавшего эту адскую машину, не мыслившего свое существование без нее и решившего добровольно оставить этот мир вместе с ней) нарушенную этим казнимым заповедь: «Будь справедлив!».

Список источников

1. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. 591 с.
2. Лист Ф. Наказание и его цели. СПб., 1895. 72 с.
3. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912. 157 с.
4. Lombroso C. L'Uomo delinquente: studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano, 1876. 256 p.
5. Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4. С. 100–107.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 231 с.
7. Сорочинский Н. П. К вопросу о праве наказания // Вестник права. 1905. № 6. С. 27–59.
8. Толстой Л. Н. Об истине, жизни и поведении. М., 2014. 992 с.
9. Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя мира. М., 2021. 760 с.
10. Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Гамбург, 2012. 264 с.
11. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 446 с.
12. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. Петрозаводск, 1979. 293 с.
13. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2010. 880 с.
14. Бойко А. И. Юридическая пандемия (о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–31.

15. Amiruddin. Analisis Pola Pemberantasan Korupsi Dalam Pengadaan Barang/Jasa Pemerintah // Jurnal Kriminologi Indonesia. 2012. Vol. 8. No. 1. H. 26-37.
16. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914. 456 с.
17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
18. Сорокин П. А. Законы развития наказания с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Сборник 3: Эволюция преступлений и наказаний. СПб., 1914. С. 113–151.
19. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. 520 с.
20. Иеринг Р. «На водку». Киев, 1883. 66 с.
21. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. 447 с.
22. Liszt F. Lehrbuch des deutschen strafrechts. Berlin, 1899. 719 s.
23. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. 419 с.
24. Hart H. L. A. Punishment and responsibility: essays in the philosophy of law. Oxford, 1968. 237 p.
25. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. 300 с.
26. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / Отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата, 1967. 152 с.

References

1. Ferry E. *Criminal sociology*. Moscow; 1908. 591 p. (In Russ.)
2. List F. *Punishment and its goals*. Saint Petersburg; 1895. 72 p. (In Russ.)
3. Prince A. *Protection of society and the transformation of criminal law*. Moscow; 1912. 157 p. (In Russ.)
4. Lombroso C. L'Uomo delinquente: studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano; 1876. 256 p. (In Ital.)
5. Loba V. E. «Recipes» for combating crime of the sociological school of criminal law. *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2013;(4):100–107. (In Russ.)
6. Kuznetsova N. F. *Crime and criminality*. Moscow; 1969. 231 p. (In Russ.)
7. Sorochinsky N. P. On the issue of the right of punishment. *Bulletin of the Law*. 1905;(6):27–59. (In Russ.)
8. Tolstoy L. N. *On truth, life and behavior*. Moscow; 2014. 992 p. (In Russ.)
9. Savenkov A. N. *Nuremberg: verdict in the name of peace*. Moscow; 2021. 760 p. (In Russ.)
10. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V., Leshchenko V. G. *Church-religious influence on those sentenced to imprisonment*. Hamburg; 2012. 264 p. (In Russ.)
11. Laut R. *Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation*. Moscow; 1996. 446 p. (In Russ.)
12. Dostoevsky F. M. *Notes from the dead house*. Petrozavodsk; 1979. 293 p. (In Russ.)
13. Dostoevsky F. M. *The diary of a writer*. Moscow; 2010. 880 p. (In Russ.)
14. Boiko A. I. The legal pandemic (on excessive legitimization of the dormitory and the oblivion of other regulatory systems) // North Caucasian Legal Bulletin. 2023;(2):17–31. (In Russ.)
15. Amiruddin. Analisis Pola Pemberantasan Korupsi Dalam Pengadaan Barang/Jasa Pemerintah. *Jurnal Kriminologi Indonesia*. 2012;(8-1):26–37.
16. Sorokin P. A. *Crime and punishment, feat and reward. A sociological study on the basic forms of social behavior and morality*. Saint Petersburg; 1914. 456 p. (In Russ.)
17. Sorokin P. A. *Man. Civilization. Society*. Moscow; 1992. 543 p. (In Russ.)
18. Sorokin P. A. Laws of punishment development from the point of view of the psychological theory of law by L.I. Petrazhitzky. In: *New ideas in jurisprudence. Collection 3: The evolution of crimes and punishments*. Saint Petersburg; 1914:113–151. (In Russ.)

19. Levi-Strauss K. *Totemism today. Untamed thought*. Moscow; 2008. 520 p. (In Russ.)
20. Iering R. «On vodka». Kiev; 1883. 66 p. (In Russ.)
21. Poznyshev S. V. *The main issues of the doctrine of punishment*. Moscow; 1904. 447 p. (In Russ.)
22. Liszt F. *Lehrbuch des deutschen strafrechts*. Berlin; 1899. 719 s. (In Germ.)
23. Esipov V. V. *An essay on Russian criminal law. The part is common. Crime and criminals. Punishment and the punishable*. Warsaw; 1894. 419 p. (In Russ.)
24. Hart H. L. A. *Punishment and responsibility: essays on the philosophy of law*. Oxford; 1968. 237 p.
25. Hart G. L. A. *The concept of law*. Saint Petersburg; 2007. 300 p. (In Russ.)
26. Carolina. *The Penal Code of Charles V*. Ed. by S. Z. Zimanov. Alma-Ata; 1967. 152 p. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Корсаков – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Information about the author

K. V. Korsakov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher of the Law Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 23.01.2025.

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 23.01.2025.